

Отзыв члена диссертационного совета
на диссертацию Боровской Анны Александровны на тему "Русская
эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и
общества (1918–1940)", представленной к защите на соискание ученой
степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая
история

Интерес к русскому зарубежью в 1990-е – начале 2000-х гг. испытал колоссальный подъем, однако, этот интерес изначально оказался сфокусированным почти исключительно на тех государствах, в которых сложились крупные русские диаспоры, а также на относительно узком круге лиц и семейств. Последовавший за подъемом некоторый спад исследовательского пыла явил глазам стороннего наблюдателя необозримое число лакун в предмете исследования. Разделяя утверждение диссертанта, что актуальность темы его исследования определяется практически полной неизученности проблем истории русской эмиграции в Швеции и жизни ее диаспоры и, как следствие, необходимостью восполнить этот пробел в истории русской послереволюционной эмиграции (с. 7), представляется, что прежде всего современная политическая повестка делает актуальным изучение тем, аналогичных той, которой посвящено диссертационное исследование. Но малое иногда исследовать значительно сложнее. Для того, чтобы найти проявления этого малого требуется серьезная трудоемкая поисковая работа. Соискателем такая работа по выявлению материалов, связанных с историей российских эмигрантов в Швеции в 1918-1940 гг., была проделана в шведских и российских архивах. Это, а также не только знание историографии и, что особенно важно, ее критический анализ, безусловно, является заслугой соискателя. Знание источников и историографии позволили выстроить довольно стройную структуру текста. Встречающиеся в тексте диссертации повторы приходится признать неизбежными. Решение поставленных диссертантом задач в целом достигнуто.

09/2 - 49 от 02.10.2014

Вместе с тем, уместными будут несколько замечаний и пожеланий, не умаляющих достоинств данного сочинения. Желательно было указать в тексте имена лиц, возглавлявших те властные органы, в компетенцию которых входило принятие решений о предоставлении гражданства. Отнюдь не оспаривая утверждение диссертанта, что «расовый вопрос часто звучал в дебатах о иммиграционной политике, имел на него (sic?!) самое непосредственное влияние», стоило, однако, обратить внимание на то, почему в 1937 г. шведские власти пошли на то, чтобы убрать из нового «Закона об иностранцах» аргумент о чистоте расы, о чем упоминает диссертант. (с. 113) Если именно в законодательстве Швеции не оговаривалось, что «иммиграция из конкретных стран или приграничных территорий менее желательна и более опасна», а на практике «это находило свое конкретное отражение» (с. 114), то можно ли предположить, что имелись некие должностные инструкции, подзаконные распоряжения, или чиновники руководствовались личными расовыми предрассудками?

Действительно, после окончания Второй мировой войны шведскими властями «жителям Прибалтики давалось право коллективного убежища, в то время как русским зачастую отказывалось даже в возможности подачи подобных заявлений» (с. 115), однако в данном случае речь скорее должна идти почти исключительно о политических, а не расовых аспектах принятия решений. Хотя, бесспорно, в то время череда чрезмерно раздутых шпионских скандалов в Швеции способствовала переносу общественной озабоченности на всех русских.

Ряд приводимых в диссертации фактов ярко иллюстрирует миграционную политику шведских властей. Однако, некоторые из этих фактов желательно было дополнительно прокомментировать, поскольку на первый взгляд они могут находиться в некотором противоречии с утверждениями, высказываемыми в других частях представленного исследования. Так, на с. 98 упоминается журналист Артур Экстрём (иногда писавший под псевдонимом Абу Хассан), который с началом советско-финской войны был выслан из Финляндии вместе со всей семьей. Единственной, пожалуй, причиной высылки, скорее всего, было не

то обстоятельство, что он был женат на русской, а то, что это был человек левых взглядов. Диссертант вполне справедливо утверждает, что в шведском сознании надолго укоренился страх перед коммунистическим влиянием (с. 118), в таком случае следовало бы обратить внимание на то, почему этот страх не воспрепятствовал приезду Экстрёма в Швецию, а также на ряд его публикаций, связанных с резкой оценкой расовой политики Германии. Это также помогло бы в какой-то степени объяснить причины устранения в 1937 г. из «Закона об иностранцах» аргумента о чистоте расы. В связи с этим также стоит отметить уместное обращение диссертанта к анализу т.н. «этнического фактора», оказывавшего влияние на отношение шведского общества и властей к эмигрантам. Правда, только отчасти можно согласиться с тем, что «гомогенному шведскому обществу, имевшему скудный опыт тесного взаимодействия с представителями других национальностей, было тяжело спокойно относиться к другим» (с. 112-113), поскольку такой опыт все же у шведского общества имелся (в 17 столетии – быстрая ассимиляция населения Сконе; на севере Швеции довольно компактно проживало значительное финское меньшинство).

Действительно, некоторые из русских эмигрантов не всегда сами спешили получить гражданство (с. 132), но вполне уместным было бы перечислить мотивы, по которым они не спешили это делать. Попытка диссертанта найти объяснение длительным срокам приобретения подданства Швеции, предпринятая на с. 133-142, представляет интерес, но едва ли позволяет сколько-нибудь прояснить вопрос именно о мотивации эмигрантов, уклоняющихся от получения этого статуса. Сам факт получения гражданства через 14 или 37 лет может свидетельствовать как о препятствиях к получению гражданства, так и о нежелании приобретения такового.

Диссертант признает, что ни в архиве МИД Швеции, ни в Государственном архиве Российской Федерации не удалось выявить решающего вклада К. Н. Гулькевича в развитие сотрудничества по работе с беженцами (с. 156). Однако известно, что Гулькевич до своей кончины являлся членом совещательного органа при Нансеновском комитете Лиги наций, в состав которого он выдвигался

именно эмигрантскими организациями. Быть может, стоило проявить интерес к документам этой международной организации. Касаясь темы реорганизации выделенного из Генерального штаба в 1918 г. Государственного полицейского бюро по наблюдению за иностранцами (с. 79), стоило упомянуть, что в 1923 г. это бюро еще раз подверглось реорганизации.

Собранный диссертантом материал, касающийся отдельных представителей русской общины в Швеции, уникален. Это безусловно, заслуга соискателя. Представляется, что приведение некоторых дополнительных биографических деталей позволило бы привнести дополнительные нюансы в мотивацию шведских властей при решении вопросов о предоставлении гражданства или выдаче визы. Так, когда речь идет о Матвее Дмитриевиче Шишкине (с. 90), можно было упомянуть, что он был депутатом Всероссийского крестьянского съезда, избранным депутатом Учредительного собрания и участником социалистической конференции в Стокгольме в 1917 г. Можно было привлечь воспоминания З. Яроцкой (Сульман), супруги посла Швеции в СССР в 1960-е гг. Рольфа Сульмана – история с получением разрешения для будущей жены на выезд из СССР в середине 1920-х гг., оформлением брака и получением шведского гражданства, была бы дополнительным штрихом к представленным в диссертации выводам.

Диссертанту следовало более корректно относиться к некоторым названиям политических партий. Социалистическая партия – порождение ряда расколов в рабочем движении – появилась в 1929 г., по этой причине не стоит для предшествующего периода называть Социал-демократическую рабочую партию Швеции социалистической партией, а одного из ее лидеров – Ялмара Брантинга членом социалистической партии. Из тезиса «Александров был политически активен уже в годы Первой русской революции и являлся членом боевой организации в Хельсинки» отнюдь не явствует следующее утверждение диссертанта: «Можно предположить, что именно это и привело его, как и многих других русских революционеров, к эмиграции в Швецию» в 1910 г. (с. 119), предпочтительным объяснением факта эмиграции именно в Швецию является

упоминание на следующей странице исследования национальности матери Александрова.

Компетенция диссертанта – делать акцент на том или ином сюжете для своего рода иллюстрации своих утверждений, но вызывает некоторое недоумение декларируемое им желание выбирать «предметом изучения наиболее интересные стороны жизни русской диаспоры». (с. 3). Наиболее интересное порой бывает проявлением отклонения от правила.

Характеризуя исследование С. Нотини Бурх, диссертант подчеркивает, что та убедительно показала, выявив существенную разницу в отношении шведских властей к беженцам из Прибалтики, Ингерманландии и непосредственно территории СССР, т.е. к русским (с. 33), но не обращает внимание, что упомянутая Ингерманландия также являлась непосредственной частью территории СССР. В некоторых случаях формулировки положений следовало отредактировать ради устранения логических нестыковок. Например, на с. 68-69 «неразвитость же контролирующих иностранцев органов государственной власти» оказывается связанной «в первую очередь, с отсутствием их необходимости в Швеции». Странной представляется и следующая формулировка: «А в декабре 1917 г. прямая граница и вовсе перестала существовать, теперь попасть из России в Швецию по суше стало возможным только через ставшую независимой Финляндию». (с. 72).

Излишне абсолютизированным является утверждение диссертанта, что «после 1917–1918 г. все случаи иммиграции русских граждан из СССР или третьих стран были сугубо индивидуализированными и напрямую не связанными с политическими мотивами. На первый план выставлялись мотивы личные – такие как приглашение родственников, друзей или работодателей». (с. 42).

Высказанные пожелания не носят принципиального характера, а замечания не умаляют общей оценки проделанного А.А. Боровской исследования. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при чтении общих лекционных курсов во всеобщей истории, разработке методических материалов для семинарских занятий. Диссертация представляет собой

самостоятельное проведенное исследование, выполненное на профессиональном уровне.

Диссертации А.А. Боровской "Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества (1918–1940)" соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете». Соискатель А.А. Боровская заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история.

Член Диссертационного совета, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

А.И. Рупасов

**Отзыв члена диссертационного совета
на диссертацию Боровской Анны Александровны на тему "Русская
эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и
общества (1918–1940)", представленной к защите на соискание ученой
степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая
история**

Интерес к русскому зарубежью в 1990-е – начале 2000-х гг. испытал колоссальный подъем, однако, этот интерес изначально оказался сфокусированным почти исключительно на тех государствах, в которых сложились крупные русские диаспоры, а также на относительно узком круге лиц и семейств. Последовавший за подъемом некоторый спад исследовательского пыла явил глазам стороннего наблюдателя необозримое число лагун в предмете исследования. Разделяя утверждение диссертанта, что актуальность темы его исследования определяется практически полной неизученности проблем истории русской эмиграции в Швеции и жизни ее диаспоры и, как следствие, необходимостью восполнить этот пробел в истории русской послереволюционной эмиграции (с. 7), представляется, что прежде всего современная политическая повестка делает актуальным изучение тем, аналогичных той, которой посвящено диссертационное исследование. Но малое иногда исследовать значительно сложнее. Для того, чтобы найти проявления этого малого требуется серьезная трудоемкая поисковая работа. Соискателем такая работа по выявлению материалов, связанных с историей российских эмигрантов в Швеции в 1918-1940 гг., была проделана в шведских и российских архивах. Это, а также не только знание историографии и, что особенно важно, ее критический анализ, безусловно, является заслугой соискателя. Знание источников и историографии позволили выстроить довольно стройную структуру текста. Встречающиеся в тексте диссертации повторы приходится признать неизбежными. Решение поставленных диссертантом задач в целом достигнуто.

Вместе с тем, уместными будут несколько замечаний и пожеланий, не умаляющих достоинств данного сочинения. Желательно было указать в тексте имена лиц, возглавлявших те властные органы, в компетенцию которых входило принятие решений о предоставлении гражданства. Отнюдь не оспаривая утверждение диссертанта, что «расовый вопрос часто звучал в дебатах о иммиграционной политике, имел на него (sic?!) самое непосредственное влияние», стоило, однако, обратить внимание на то, почему в 1937 г. шведские власти пошли на то, чтобы убрать из нового «Закона об иностранцах» аргумент о чистоте расы, о чем упоминает диссертант. (с. 113) Если именно в законодательстве Швеции не оговаривалось, что «иммиграция из конкретных стран или приграничных территорий менее желательна и более опасна», а на практике «это находило свое конкретное отражение» (с. 114), то можно ли предположить, что имелись некие должностные инструкции, подзаконные распоряжения, или чиновники руководствовались личными расовыми предрассудками?

Действительно, после окончания Второй мировой войны шведскими властями «жителям Прибалтики давалось право коллективного убежища, в то время как русским зачастую отказывалось даже в возможности подачи подобных заявлений» (с. 115), однако в данном случае речь скорее должна идти почти исключительно о политических, а не расовых аспектах принятия решений. Хотя, бесспорно, в то время череда чрезмерно раздутых шпионских скандалов в Швеции способствовала переносу общественной озабоченности на всех русских.

Ряд приводимых в диссертации фактов ярко иллюстрирует миграционную политику шведских властей. Однако, некоторые из этих фактов желательно было дополнительно прокомментировать, поскольку на первый взгляд они могут находиться в некотором противоречии с утверждениями, высказываемыми в других частях представленного исследования. Так, на с. 98 упоминается журналист Артур Экстрём (иногда писавший под псевдонимом Абу Хассан), который с началом советско-финской войны был выслан из Финляндии вместе со всей семьей. Единственной, пожалуй, причиной высылки, скорее всего, было не

то обстоятельство, что он был женат на русской, а то, что это был человек левых взглядов. Диссертант вполне справедливо утверждает, что в шведском сознании надолго укоренился страх перед коммунистическим влиянием (с. 118), в таком случае следовало бы обратить внимание на то, почему этот страх не воспрепятствовал приезду Экстрёма в Швецию, а также на ряд его публикаций, связанных с резкой оценкой расовой политики Германии. Это также помогло бы в какой-то степени объяснить причины устранения в 1937 г. из «Закона об иностранцах» аргумента о чистоте расы. В связи с этим также стоит отметить уместное обращение диссертанта к анализу т.н. «этнического фактора», оказывавшего влияние на отношение шведского общества и властей к эмигрантам. Правда, только отчасти можно согласиться с тем, что «гомогенному шведскому обществу, имевшему скудный опыт тесного взаимодействия с представителями других национальностей, было тяжело спокойно относиться к другим» (с. 112-113), поскольку такой опыт все же у шведского общества имелся (в 17 столетии – быстрая ассимиляция населения Сконе; на севере Швеции довольно компактно проживало значительное финское меньшинство).

Действительно, некоторые из русских эмигрантов не всегда сами спешили получить гражданство (с. 132), но вполне уместным было бы перечислить мотивы, по которым они не спешили это делать. Попытка диссертанта найти объяснение длительным срокам приобретения подданства Швеции, предпринятая на с. 133-142, представляет интерес, но едва ли позволяет сколько-нибудь прояснить вопрос именно о мотивации эмигрантов, уклоняющихся от получения этого статуса. Сам факт получения гражданства через 14 или 37 лет может свидетельствовать как о препятствиях к получению гражданства, так и о нежелании приобретения такового.

Диссертант признает, что ни в архиве МИД Швеции, ни в Государственном архиве Российской Федерации не удалось выявить решающего вклада К. Н. Гулькевича в развитие сотрудничества по работе с беженцами (с. 156). Однако известно, что Гулькевич до своей кончины являлся членом совещательного органа при Нансеновском комитете Лиги наций, в состав которого он выдвигался

именно эмигрантскими организациями. Быть может, стоило проявить интерес к документам этой международной организации. Касаясь темы реорганизации выделенного из Генерального штаба в 1918 г. Государственного полицейского бюро по наблюдению за иностранцами (с. 79), стоило упомянуть, что в 1923 г. это бюро еще раз подверглось реорганизации.

Собранный диссертантом материал, касающийся отдельных представителей русской общины в Швеции, уникален. Это безусловно, заслуга соискателя. Представляется, что приведение некоторых дополнительных биографических деталей позволило бы привнести дополнительные нюансы в мотивацию шведских властей при решении вопросов о предоставлении гражданства или выдаче визы. Так, когда речь идет о Матвее Дмитриевиче Шишкине (с. 90), можно было упомянуть, что он был депутатом Всероссийского крестьянского съезда, избранным депутатом Учредительного собрания и участником социалистической конференции в Стокгольме в 1917 г. Можно было привлечь воспоминания З. Яроцкой (Сульман), супруги посла Швеции в СССР в 1960-е гг. Рольфа Сульмана – история с получением разрешения для будущей жены на выезд из СССР в середине 1920-х гг., оформлением брака и получением шведского гражданства, была бы дополнительным штрихом к представленным в диссертации выводам.

Диссертанту следовало более корректно относиться к некоторым названиям политических партий. Социалистическая партия – порождение ряда расколов в рабочем движении – появилась в 1929 г., по этой причине не стоит для предшествующего периода называть Социал-демократическую рабочую партию Швеции социалистической партией, а одного из ее лидеров – Ялмара Брантинга членом социалистической партии. Из тезиса «Александров был политически активен уже в годы Первой русской революции и являлся членом боевой организации в Хельсинки» отнюдь не явствует следующее утверждение диссертанта: «Можно предположить, что именно это и привело его, как и многих других русских революционеров, к эмиграции в Швецию» в 1910 г. (с. 119), предпочтительным объяснением факта эмиграции именно в Швецию является

упоминание на следующей странице исследования национальности матери Александрова.

Компетенция диссертанта – делать акцент на том или ином сюжете для своего рода иллюстрации своих утверждений, но вызывает некоторое недоумение декларируемое им желание выбирать «предметом изучения наиболее интересные стороны жизни русской диаспоры». (с. 3). Наиболее интересное порой бывает проявлением отклонения от правила.

Характеризуя исследование С. Нотини Бурх, диссертант подчеркивает, что та убедительно показала, выявив существенную разницу в отношении шведских властей к беженцам из Прибалтики, Ингерманландии и непосредственно территории СССР, т.е. к русским (с. 33), но не обращает внимание, что упомянутая Ингерманландия также являлась непосредственной частью территории СССР. В некоторых случаях формулировки положений следовало отредактировать ради устранения логических нестыковок. Например, на с. 68-69 «неразвитость же контролирующих иностранцев органов государственной власти» оказывается связанной «в первую очередь, с отсутствием их необходимости в Швеции». Странной представляется и следующая формулировка: «А в декабре 1917 г. прямая граница и вовсе перестала существовать, теперь попасть из России в Швецию по суше стало возможным только через ставшую независимой Финляндию». (с. 72).

Излишне абсолютизированным является утверждение диссертанта, что «после 1917–1918 г. все случаи иммиграции русских граждан из СССР или третьих стран были сугубо индивидуализированными и напрямую не связанными с политическими мотивами. На первый план выставлялись мотивы личные – такие как приглашение родственников, друзей или работодателей». (с. 42).

Высказанные пожелания не носят принципиального характера, а замечания не умаляют общей оценки проделанного А.А. Боровской исследования. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при чтении общих лекционных курсов во всеобщей истории, разработке методических материалов для семинарских занятий. Диссертация представляет собой

самостоятельное проведенное исследование, выполненное на профессиональном уровне.

Диссертации А.А. Боровской "Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества (1918–1940)" соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете». Соискатель А.А. Боровская заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история.

Член Диссертационного совета, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

А.И. Рупасов

СОГЛАСИЕ

кандидата в члены диссертационного совета

Я, Рупасов А.И., даю свое согласие войти в состав диссертационного совета по защите диссертации *Боровской Анны Александровны* на тему «Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества (1918–1940)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Мои персональные данные:

Ученая степень: доктор исторических наук

Шифр специальности: 07.00.02

Ученое звание:

Должность: ведущий научный сотрудник

Место и адрес работы (с указанием почтового индекса): Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110 СПб., Петрозаводская 7.

Контакты:

№ телефона: +7 921 361 69 49

E-mail:

По теме рассматриваемой диссертации имею 9 научных работ, в том числе:

1. Советско-шведские отношения в конце 1950-х гг. // Новейшая история России. 2012. № 3. 117-137.
2. «Сползающая маска нейтральности». Советско-шведские отношения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. 157-180.
3. Советско-шведские отношения: вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг. (в соавторстве с Л. Самуэльсоном). М.: РОССПЭН, 2014. 270 с.
4. О зыбкости политических установок личности в период хаоса. Свен Фабрициус // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. 287-309
5. Вступительная статья. // Д.Л. Казанцев. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914-1917. М.: Кучково поле, 2016.

6. Посол Швеции в СССР Рольф Сульман // Скандинавские чтения 2010 года.
Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2012. 287-297

Не являюсь членом экспертного совета ВАК.

27.09.2017

Румянов А. И.
И. О. Фамилия

